

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРОПА МЕТАФОР-ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

(на примере русской и белорусской лирики начала XX века)

Метафора-олицетворение является переходным синкретическим тропом, объединяющим свойства метафоры и олицетворения. Этим, на наш взгляд, объясняется то особое положение, которое данный сложный троп занимает среди способов преобразования значения слова в поэтическом тексте, превращения слова в поэтический знак. В статье анализируется использование его некоторыми русскими и белорусскими поэтами начала XX века, когда метафора воспринималась как «естественное свойство нового поэтического сознания», возможность выразить «живое единство мира»¹.

По мнению Н. Д. Арутюновой, языковая метафора «связана прочными узами с позицией предиката», «ориентирована» на нее². В то же время для многих случаев олицетворения наличие предиката в тексте необязательно. Так, традиционность «исконного» (В. П. Григорьев) способа создания олицетворения — обращение к неодушевленному предмету — допускает отсутствие в контексте глагола разумного восприятия или глагола познавательной деятельности: *О, разум, сколько ты пылал!* (А. Блок); *Доброй ночи, зара-зараніца* (М. Багданович). Имя субъекта олицетворения может быть вынесено в заголовок стихотворения, напр., «К Музе» А. Блока, «Новому, 1915 году» Я. Коласа. Олицетворение в подобных случаях реализуется на уровне целого текста.

В отличие от олицетворения в синкретическом тропе метафора-олицетворение возрастает роль глагольного предиката. В контексте тропа пропозиция модифицируется таким образом, что место актанта-субъекта, выраженного одушевленным существительным, замещается неодушевленным существительным, которое функционирует в тексте в качестве субъекта тропа. Неодушевленный предмет или явление не только уподобляются человеку или животному внешне, но и наделяются способностью совершать активные физические или психические действия подобно одушевленному существу. Следовательно, определенные существительные, являющиеся субъектами тропа метафора-олицетворение, получают возможность сочетаться с новыми предикатами, т. е. в контексте изменяются валентностные свойства лексем и структуры их семем. Таким образом, глагольный предикат в поэтическом тексте «переводит» существительное-субъект тропа метафора-олицетворение из категории неодушевленных в категорию одушевленных. В значении лексемы, кроме общей для всех примеров тропа дополнительной семы 'одушевленность', появляется и обязательная дифференцирующая сема 'способность совершать определенное действие подобно человеку' (благодаря в основном этой семе можно говорить об антропоморфизе в поэзии): *Синь то дремлет, то вздыхает* (С. Есенин); *Сніхала ў долы праўду здрада* (Я. Купала)³.

Деятельность одушевляемого предмета или явления может быть такой же многообразной, как и деятельность человека. В контексте в значении лексемы-субъекта тропа появляются такие конкретизирующие семы, как 'способность думать', 'видеть', 'обладать властью', даже 'умываться', или 'лизать', напр.: *Лижут сумерки золото солнца* (С. Есенин); *ночка пануе* (Я. Купала). Тем самым предмет или явление индивидуализируются. Существительные, их имена, входят в категорию индивидуальных существительных, т. е. лексемы, по классификации Ю. С. Степанова⁴, переходят в рубрику «человек», реже «животные». Одной из важных функций тропа метафора-олицетворение является, следовательно, функция индивидуализации предмета описания, что особенно значимо для поэзии. Индивидуализация субъекта тропа может осуществляться

ся до максимальной степени — отождествления авторского «я» с субъектом тропа (особенность идиостилия Я. Купалы): *Я — тая плачка — сумная бяроза*.

Индивидуализирующая функция часто приводит к актуализации в контексте тропа семы 'способность обладать внешними признаками человека', реже 'птицы или зверя': *«Вечер, свесившись над речкою, положит Водю белой пальцы синих ног»* (С. Есенин); (позолоту) *Сцёрла часу рука векавая* (К. Буйло). Некоторые поэты усложняют образ тем, что функции частей тела человека (рта, рук и т. д.) начинают выполнять части описываемого объекта, напр.: *...ў полі лісцямі пелі таполі* (Я. Купала); *Легким дымом к дальним позням Шлет поклон день ласк и вишен* (С. Есенин). Такие атрибуты субъекта тропа, как ноги, пальцы и т. п., взаимодействуя с физическими предикатами, дают наглядное представление об одушевляемом предмете или явлении. Однако троп метафора-олицетворение снимает жесткость разделения предикатов на физические или психические и различия субъектов, которым могут приписываться только физические или только психические предикаты (их разграничение описано А. Вежицкой)⁵.

Часто денотат, названный лексемой-субъектом тропа, выполняет одновременно психическое и физическое действия, в контексте появляется сема 'целенаправленность действия': *А во на злосць, а во на смех Пярун натрое дуб разбіў* (Цётка); *Здесь в заводь праздную желанье Свои приводит корабли* (А. Блок).

Роль предиката в создании тропа наиболее очевидна в контекстах, где субъект тропа сравнивается с неодушевленным предметом, но выполняется осознанное действие: *Время — мельница с крылом Опускает за селом Месяц маятником в рожь Лить часов незримый дождь* (С. Есенин). И. И. Ковтунова отметила, что «если двусоставное предложение представляет живую метафору (не только состав сказуемого, но все предложение полностью), оно не членится на тему и рему: *Лишь медь торжественной латыни Поет на плитах, как труба* (А. Блок)... В такого рода случаях все предложение в целом выполняет функцию предиката»⁶.

Если образ представляет собою вариант известной, распространенной в поэзии метафоры (напр., «пожар осени»), он может оживляться предыдущим контекстом, подготавливающим его восприятие: *Горек запах черной гари, Осень роици подожгла* (С. Есенин). Предикат может указывать не только на выполнение субъектом какого-либо действия, но и на продолжительность его жизни (бытия): *Горькой доле — Много лет* (А. Блок); *Не год, не два зняла з плеч вёска, — Дзянькоў уцёкшых знак відаць* (Я. Купала). В контекстах тропа предикация довольно часто выражается однородными сказуемыми, при этом необязательно, чтобы каждый глагол называл действие только одушевленного деятеля: постановка в однородный ряд вызывает взаимодействие значений глаголов, и сема 'действие неодушевленного субъекта' отходит на периферию значения лексемы. Задача таких глаголов — создать у читателя конкретное наглядное представление об одушевляемом предмете или явлении: *И за облаком плыло и пело мерцание тьмы* (А. Блок); *Там тень моя осталась и тоскует, Всё в той же синей комнате живет* (А. Ахматова).

Иногда на изменение пропозиции указывает не предикат, а сирконстант (обстоятельство образа действия), который и обуславливает появление сем, называющих признаки человека, напр.: *И перья торжествующе скрипят* (А. Блок); *Свецяць зоры дабрадзейна* (Я. Купала).

В одном контексте тропа позиции при предикате могут занимать несколько субъектов тропа: *Всё сильнее биенье крови В сердце, раненом тоской* (А. Ахматова) — субъектами тропа являются *тоска* и *сердце*. Таким образом, возникает необходимость при анализе контекста тропа различать актанты активные и пассивные. Пассивным актантом, по нашим наблюдениям, чаще оказывается человек (лирический герой сти-

хотворения), а активным — одушевляемый предмет или явление: *Я в четырех стенах — убитый Земной заботой и нуждой* (А. Блок); *Гадавали мяне гора* (Я. Колас).

Большинство существительных-субъектов тропа метафора-олицетворение являются неодушевленными только с точки зрения современного языка. В праиндоевропейском языке они относились к группе имен активного класса, т. е. называли одушевленные или мыслимые одушевленными объекты. В класс активных включались имена, обозначающие людей, животных, растения, части тела человека, явления природы и абстрактные понятия⁷. В поэтической речи в качестве субъекта тропа также используется образная в своей основе конкретная лексика и названия отрезков времени и пространства.

Анализ тропа осложняется тем, что на его лингвистическую основу накладываются коннотации национального языка и коннотации, свойственные идиостилю поэта, что увеличивает глубину вертикального контекста тропа. Так, национальными коннотациями обусловлено олицетворение М. Богдановичем именно Вильни, А. Блоком Петербурга, М. Цветаевой Москвы, А. Ахматовой Новгорода. Прежде всего идиостилем объясняется, на наш взгляд, функционирование того или иного конкретного существительного в качестве субъекта тропа, напр., *цыферблат, шпіца* в лирике М. Богдановича, *шнур, серп* — Я. Купалы, *афиша, аэроплан* — В. Маяковского, *свечи, врата* — М. Цветаевой, *дуга, грабли* — С. Есенина и др.

К вертикальному контексту относится и вхождение лексем-субъектов тропа в поэтические поля, индивидуальные для каждого поэта. Так, лексема *васілёк* в лирике М. Богдановича входит не только в лексико-семантическое поле национального языка 'растения', но и в поэтическое поле 'Родина': *мне сіняй галоўкай ківае Наш родны, забыты ў цяні васілёк: «Здароў будзь, дружача!»*

Вертикальный контекст тропа часто связан с аллюзиями на народную мифологию, литературные произведения, в том числе «Библию». Напр., В. Маяковский пишет: *Солнце! Отец мой! Сжался хоть ты и не мучай! Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней,* — создавая современный вариант легенды о Христе (такое объяснение примера опирается на контекст всего дореволюционного творчества поэта).

Сложность и привлекательность анализа тропа метафора-олицетворение заключается не только в глубине его вертикального контекста, но и в его неоднородности. Контексты тропа представляют своеобразное лингвистическое поле, в котором выделяются центр (преобразованная пропозиция) и периферия, тяготеющая к метафоре или олицетворению. Так, ближе к метафоре находится перифраза С. Есенина *Пойду по белым кудрям дня*. Ее основа — сравнение белых кудрей и белых облаков по цвету и форме, что и создает образ дня как живого существа. К «чистому» олицетворению приближаются использование позиции обращения, прописной начальной буквы.

Как уже говорилось выше, с лингвистической точки зрения, основой синкретического тропа метафора-олицетворение является преобразование пропозиции с активно действующим лицом, в которой предикат «выбирает» несвойственные ему в национальном языке субъекты тропа, что изменяет в контексте валентностные свойства лексем. В значениях лексем-субъектов тропа появляются новые и актуализируются периферийные семы. Такое изменение значений не затрагивает языковой парадигмы, выявляется лишь при синтагматическом подходе к значению слов в поэтическом тексте, а генетически восходит к языку активного строя.

Несмотря на многообразие взаимодействующих способов создания тропа, его лингвистическая сущность помогает довольно отчетливо выделить центр лингвистического поля, образуемого контекстами тропа. Важность и частота использования этого тропа определяются тем, что метафора-олицетворение позволяет поэту выразить восприятие мира как «живого организма» (А. Блок). Такое восприятие в большой степени

отразилось еще в поэзии Ф. И. Тютчева, чья традиция была продолжена в произведениях русских и белорусских поэтов начала XX века.

¹ Ермилова Е. В. Метафоризация мира в поэзии начала XX века // Контекст-1976. М., 1977. С. 160, 171.

² Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149, 158.

³ Определение семного состава производится на основе непосредственной сочетаемости слов в тексте. Возможность подобного анализа, отмеченная еще Э. Косериу, в настоящее время обоснована в статье А. Гудавичюса. (Гудавичюс А. О синтагматическом подходе к анализу значения // Kalbotuga. XXXVIII. Вильнюс, 1987. С. 8, 9, 12.)

⁴ См.: Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. № 4.

⁵ См.: Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wroclaw, etc., 1969.

⁶ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 153.

⁷ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1. С. 273, 274.

ВАЛЬТЕР ВИТТ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТЬЮ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом наших наблюдений является синтаксическая сочетаемость с субстантивами (существительными/местоимениями) двух групп бесприставочных глаголов действия: конкретного действия и движения, не подвергавшаяся еще специальному изучению. Границы групп глаголов определяются с помощью принципа идентификации речевых фактов Ш. Балли¹. Идентификаторами служат глаголы *двигаться* (передвигаться), *двигать* (перемещать) — для глаголов движения и *производить* (создавать), *воздействовать* — для глаголов конкретного действия. В связи с этим в первой группе различаются глаголы передвижения и перемещения.

Задачи исследования формулируются следующим образом: а) исследовать характер синтаксической сочетаемости глаголов указанных групп в плане выражения, т. е. выявить возможности и особенности синтаксического окружения данных глаголов, и в плане содержания, т. е. установить синтаксические отношения, выражаемые конструкциями с глаголами названных групп; б) сопоставить характер сочетаемости обеих групп глаголов, чтобы определить влияние на их сочетаемость лексического значения во взаимодействии с другими факторами: глагольными категориями вида и переходности/непереходности, лексико-грамматическими особенностями зависимого слова и целями высказывания. Под сочетаемостью глагола понимается необходимость (обязательная сочетаемость) или возможность (факультативная сочетаемость) соединения его с существительными/местоимениями в составе словосочетания для выражения непредикативных отношений.

Изучение фактического материала осуществлялось с помощью специальной методики, основу которой составляет понятие модели сочетаемости (типа синтаксической конструкции, возникающей при сочетании глаголов с существительными), поскольку оно объединяет в себе рассмотрение сочетаемости в плане выражения (анализ структуры модели — синтагматический аспект) и в плане содержания (анализ возможных видов непредикативных отношений, выражаемых в модели — парадигматический аспект).

Особенности синтагматического аспекта, проявляющиеся, в частности, в структурном усложнении моделей и возникающих при этом разновидностях структурных отношений между членами моделей, позволяют рассматривать типичные модификации этих связей и отношений как структурные варианты (разновидности модели). Инвариантом оказы-